

Бабушка Санчжу и бабушка Байма вечно спорили, но на самом деле их взаимная симпатия и нежность были шила в мешке не утаить. Стоило в ресторане появиться какому-то новому блюду, как это тут же означало, что обе старушки снова затеяли соперничество.

А Хэ Цюянь? Хэ Цюянь, казалось, совсем не был похож ни на кого из здешних мест.

Он стучал в дверь всегда коротко, максимум три раза, и держался лихо, непринужденно, но в его глазах вечно таилось что-то такое, чего другие никак не могли понять.

Он не походил ни на кого из местных. Мэй До, Байма, Дуньчжу... Они выросли здесь, и во взгляде каждого из них всегда читались ясность и широта души — их не запятнала суэта стремительно развивающихся мегаполисов. Именно поэтому их забота была столь ненавязчивой, искренней и прямой, что от нее просто невозможно было отказаться.

Но Хэ Цюянь отличался от них. Взгляд Хэ Цюяня вечно будто заволакивала серая дымка; он то и дело улыбался, но временами в его глазах проскальзывала капелька печали. Такая мимолетная, что уловить ее не было ни единого шанса.

Сам того не зная почему, Шэнь Сичжоу изредка — впрочем, крайне изредка — ловил себя на мысли, что он и Хэ Цюянь в чем-то невероятно похожи.

Вот только в чем именно, он сформулировать так и не мог.

В итоге это мимолетное раздумье затерялось где-то на задворках его сознания, погребенное под неуместным, хотя и вполне деликатным «вмешательством» со стороны Хэ Цюяня.

Шэнь Сичжоу даже не понял, сколько времени провел в задумчивости, пока за дверью снова не разстучался стук. На этот раз он был тревожным, от звонких ударов сердце невольно сжималось.

Он тут же отбросил все сумбурные, непонятные и сложные мысли, словно запечатал их в глухом гробу.

Шэнь Сичжоу открыл дверь и не пропустил мимо глаз мелькнувшее в глазах Хэ Цюяня облегчение и сменившее его мимолетное беспокойство.

Какая-то струна в его голове вдруг коротко и резко звякнула — слишком внезапно и быстро, чтобы он успел за нее ухватиться, впрочем, у него и желания не было вдаваться в подробности.

Хэ Цюянь нахмурился, глядя на него:

— Я ждал уже давно.

— Прости, — бесстрастно произнес Шэнь Сичжоу. — Мы можем ехать?

Хэ Цюянь протянул ему шоколадный батончик. На его лице не отразилось никаких эмоций, и в голосе не прозвучало определенной интонации:

— Это велела передать бабушка Байма.

Шэнь Сичжоу на мгновение замер. Вспомнив недавний случай, когда у него из-за сильнейшего падения уровня сахара в крови чуть не случился обморок, а также то, что сейчас был несезон и в гостевом доме почти не осталось постояльцев — пожалуй, кроме него самого, не было ни единого постоянного гостя, — он понял, что уже давно попал в категорию людей, окруженных особой заботой обеих бабушек.

Шэнь Сичжоу тихонько усмехнулся. Хэ Цюянь посмотрел на него, а затем перевел взгляд на синее небо, отражавшееся в окне позади него: небо казалось таким ясным, но облака на нем выглядели тоскливыми.

Хэ Цюянь тихо произнес:

— Пойдем.

Когда Шэнь Сичжоу последовал за Хэ Цюянем к машине, он вдруг подумал, не слишком ли опрометчиво поступил, поддавшись какому-то наваждению и согласившись поехать куда-то с этим человеком.

Он даже не удосужился спросить, куда именно они направляются.

В тот момент он смутно чувствовал себя ребенком, которого заманили сладостью. Но детей хоть конфетками приманивают, а он-то?

Интуиция подсказывала Шэнь Сичжоу, что дело пахнет керосином, но обстоятельства вновь не оставляли ему времени на долгие раздумья.

Хэ Цюянь уже устроился на водительском месте и теперь глядел на нерешительно застывшего у окна Шэнь Сичжоу, чуть приподняв бровь и улыбаясь.

Улыбка вышла короткой и не слишком доброжелательной.

Но к несчастью для него, Шэнь Сичжоу это заметил — и оттого растревожился еще сильнее.

Однако Хэ Цюянь не собирался давать ему шанс передумать и поторопил:

— Ты собираешься садиться или нет?

Шэнь Сичжоу сглотнул вязкую слюну и сделал крошечный шаг назад к задней двери — столь явный жест колебаний и сомнений.

Хэ Цюянь уставился на него и снова усмехнулся.

Шэнь Сичжоу бросил на него ледяной взгляд.

Тогда Хэ Цюянь применил свой излюбленный властный тон, отдав приказ с абсолютным спокойствием:

— Садись на переднее сиденье, я в таксисты не нанимался.

Шэнь Сичжоу поджал губы, но в конце концов все же открыл пассажирскую дверь. Он забрался в салон, однако оттолкнуть охватившее его неприятие было выше сил: он уселся как можно ближе к двери, и из-за этого неудобства его высокий рост казался каким-то нескладным, он весь сжался.

Хэ Цюянь ничего не сказал, лишь бросил:

— Даже не спросишь, куда я тебя везу?

Шэнь Сичжоу с явным безразличием поинтересовался:

— И куда же?

Хэ Цюянь всегда оставался для него загадкой: хотя вопрос этот он задал по собственной инициативе, стоило Шэнь Сичжоу поинтересоваться в ответ, как он тут же передумал отвечать, предпочитая отшутиться:

— А не боишься, что я тебя украду и продам? С такой-то мордашкой у тебя должно быть немало поклонников.

Шэнь Сичжоу смотрел прямо перед собой, его голос звучал глухо, с нотками недовольства, едва ли не до мрачности холодно:

— Босс Хэ от меня не отстает.

С этими словами он резко повернулся и в упор уставился в лицо Хэ Цюяню, а спустя мгновение вдруг с напускной развязностью усмехнулся:

— Находясь вдали от дома, босс Хэ должен в первую очередь заботиться о собственной безопасности.

Хэ Цюянь на секунду растерялся. Внешность Шэнь Сичжоу отличалась классической, эталонной красотой: мягкий овал лица гармонично сочетался с чуть дерзкими чертами. Его глаза, слегка округлые миндалевидные очи, в обрамлении плавных линий лица — лишнего тяжелой костлявости — при улыбке казались совершенно безобидными. Однако прямой, точеный нос начисто стирал это впечатление простодушия, из-за чего стоило ему сделать холодное выражение лица, как в нем проступала жесткая, острая решимость.

Но сейчас, когда он вот так дерзко улыбался, в нем пробивалось совершенно иное очарование: его глаза чуть сузились, лукаво блеснув хитринкой, а щеки от улыбки слегка округлились, напоминая гордого, воинственного котенка, который возомнил себя жутко опасным.

— На поклонение святыням, — Хэ Цюянь отвернулся, завел мотор и пояснил: — Везу тебя к святым местам.

Шэнь Сичжоу слегка удивился, приоткрыв рот — раз уж он сидел в машине, ругаться дальше было бы неудобно.

Но то, с какой естественностью Хэ Цюянь бросил это «везу тебя», задевало Шэнь Сичжоу, подсознательно заставляя воздвигать вокруг себя глухую оборону.

И хотя ему отчаянно не хотелось вести лишних разговоров, он все же чувствовал необходимость расставить все точки над i, иначе вышло бы, будто он остался должен Хэ Цюяню.

Он молчал слишком долго, и даже не глядя на него, Хэ Цюянь наверняка догадывался, о чем тот думает. В конце концов, слова-то сорвались с его собственных губ.

И тем не менее Хэ Цюянь самым мягким и доброжелательным тоном поинтересовался:

— О чем задумался? Можешь поделиться.

Шэнь Сичжоу шумно вздохнул и ответил бесцветным голосом:

— Я не верю в богов и Будду.

Хэ Цюянь тут же принес извинения за оговорку. Выглядел он до того раскаявшимся, что казался абсолютно искренним, когда произнес «прости», а следом добавил:

— Возможно, мы друг друга не так поняли. Если говорить точно, я приглашаю тебя составить

мне компанию при посещении храма, можешь воспринимать это просто как прогулку.

Помолчав какое-то время, Шэнь Сичжоу задним числом осознал, что раздул из мухи слона. Бессознательно потирая пальцами шов на штанине, он пробормотал:

— Ничего страшного.

И все же добавил:

— Прости.

Хэ Цюянь больше не пытался гадать, не является ли это извинение расхожей привычкой Шэнь Сичжоу. Сменив тему, он мягко спросил:

— Ты все еще не работаешь?

Удостоверение личности способно выдать о человеке немало сведений — например, что этому парню двадцать четыре года, его день рождения приходится на двадцать первое июня, а дом его находится в небольшом городке в провинции Хэнань.

Когда-то Хэ Цюянь предполагал, что Шангри-Ла может быть лишь кратковременной остановкой в путешествии Шэнь Сичжоу после окончания учебы, но угрюмое состояние парня быстро помогло ему отбросить эту ошибочную версию.

Может, он разругался с родными? Переживает несчастную любовь? Провалил экзамены в магистратуру? Не сдал госэкзамены? Или сорвался с работы и уволился в никуда, решив развеяться?

Шэнь Сичжоу было всего двадцать четыре, и направлений, в которых Хэ Цюянь мог строить догадки, оставалось удручающе мало. Впрочем, это были уже довольно глубокие размышления с его стороны.

Шэнь Сичжоу ответил на этот безобидный вопрос ровным тоном:

— Я работаю.

Хэ Цюянь, словно бы изумившись, тут же поинтересовался:

— Тогда как у тебя нашлось время приехать сюда?

Шэнь Сичжоу закрыл глаза, притворившись спящим.

Хэ Цюянь беззвучно усмехнулся, подрегулировал печку в салоне и продолжил вести машину в тишине.

Шэнь Сичжоу и впрямь провалился в глубокий сон, а когда Хэ Цюянь разбудил его, на его лице застыло выражение уязвимой растерянности. Он уставился на Хэ Цюяня, не отрывая взгляда целых две минуты.

Это был самый искренний момент душевной пустоты за все время их знакомства.

Хэ Цюянь позволил ему смотреть.

В то же время он всю разглядывал самого Шэнь Сичжоу: изучал эти неожиданно смягчившиеся черты лица, его расфокусированные, затуманенные глаза, и то, как его большие и указательные пальцы бессознательно трутся друг о друга.

Когда это трение стало совсем частым и судорожным, Хэ Цюянь протянул руку и накрыл его ладонь своей.

Шэнь Сичжоу, словно испугавшись, с силой оттолкнул его руку. Не ожидавший этого Хэ Цюянь глухо стукнулся о центральную консоль.

Шэнь Сичжоу задышал часто-часто, его руки дрожали. Попытка расстегнуть ремень безопасности вышла одновременно судорожной и медлительной, доходя до грани исступления и срыва. Преодолевая навалившуюся слабость, он все же щелкнул застёжкой ремня, но дверь открыть не сумел.

Повернувшись, он в упор встретился взглядом с Хэ Цюянем и выдавил из себя с предельно жалкой, мучительной запинкой:

— Открой дверь.

Хэ Цюянь разблокировал замки.

Шэнь Сичжоу буквально вывалился из машины и, казалось, больше не в силах сдерживаться, без всякого подобия приличий опустился на колени у дороги, согнувшись пополам и чувствуя приступы тошноты.

Хэ Цюянь на мгновение замер, собираясь выйти вслед за ним. Достав из бардачка бутылку газировки, он обошел капот и приблизился к Шэнь Сичжоу.

Тот уже выпрямил спину, но одно колено по-прежнему стояло на земле.

Строго говоря, он вполне мог подняться, но острые мелкие камни, впивавшиеся прямо в чашечку колена, давали резкую боль, которая помогала сохранить рассудок.

Наклонившись, Хэ Цюянь протянул ему газировку и отступил на крошечный шаг, оставляя Шэнь Сичжоу немного личного пространства:

— Тебе лучше?

— Извини, — Шэнь Сичжоу взял бутылку, его пальцы зашуршали по пластиковой обертке. Голос звучал сдавленно. — С твоей рукой все в порядке?

Во взгляде Хэ Цюяня мелькнуло темное выражение. Помолчав, он тяжело вздохнул и с долей беспомощности произнес:

— Сам подняться сможешь?

Шэнь Сичжоу кивнул, но прежде чем встать, с усилием сильнее надавил коленом на камни. Издав сдавленный вздох облегчения, он ровно и уверенно поднялся на ноги.

Хэ Цюянь переспросил:

— Ты точно лучше себя чувствуешь?

— Я в порядке, — Шэнь Сичжоу через силу улыбнулся ему, подводя итог этой внезапной сцене потери контроля: — Просто укачало.

Поймав взгляд Хэ Цюяня, он зачем-то добавил с избыточным усердием:

— Я привык. Раньше меня часто укачивало в дороге.

Хэ Цюянь кивнул, соглашаясь:

— Вот оно что.

— Угу, — Шэнь Сичжоу вновь извинился: — Прости, напугал тебя.

— Было дело, — с улыбкой отозвался Хэ Цюянь. — Глядя на твое состояние, я уж подумал... — Он сделал паузу и многозначительно добавил: — Что ты гомофоб.